

Дмитрий Шалин

*Место
«Тотальных институтов»
в творчестве Эрвина
Гоффмана*

В течение своей профессиональной карьеры Гоффман трижды проводил полномасштабные полевые исследования, каждое из которых нашло отражение в соответствующей публикации.

Осенью 1949 года он прибыл в Шотландию, где собирал материалы для диссертации в небольшом поселении на острове Диксон. Результатом этнографической работы на Шетландских островах станет его первая и наиболее известная книга «Представление себя другим в повседневной жизни»¹. В 1954-ом Гоффман устроился в Лабораторию исследований социальной среды в пригороде Вашингтона и проработал там три года, изучая жизнь пациентов и медперсонала психиатрической Больницы св. Елизаветы. Материалы включенного наблюдения этого периода опубликованы в нескольких трудах, в наиболее известном из которых — «Тотальные институты» — анализируются учреждения, ограничивающие свободу под-

1 Первое издание, опубликованное в 1956 году Эдинбургским университетом, не привлекло к себе внимания (см. отсканированную копию: http://cdclv.unlv.edu/ega/documents/eg_ps.pdf). Три года спустя книга вышла в Америке, где вызвала большой интерес: *Erving Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life* (New York: Doubleday Anchor, 1959). См.: *Dmitri Shalin. Interfacing Biography, Theory, and History: The Case of Erving Goffman // Symbolic Interaction. 2014. Vol. 37. № 1. P. 2–40.*

надзорных людей². В 1960-ом Гоффман устроился в школу подготовки работников казино и после получения лицензии работал в качестве дилера, исследуя практику игорного дела в Лас-Вегасе. Единственная публикация по этой тематике — обширная статья под названием «Там, где игра стоит свеч»³.

Книга «Тотальные институты», перевод которой впервые появляется на русском языке, носит подзаголовок «Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений». Это социологическое исследование строго регламентированных учреждений вроде домов для душевнобольных, концентрационных лагерей, армейских казарм, монастырей, интернатов и тюрем. Параллели между психбольницами и концлагерями могут показаться сомнительными, но у Гоффмана были основания для такого сближения. Всякое подавление свободы, унижение человеческого достоинства вызывало у него болезненную реакцию. Ребенок из иммигрантской семьи, он не раз сталкивался с антисемитизмом канадцев украинского происхождения, «охотившихся за еврейскими детьми как на погроме в старом свете»⁴. Личный опыт отчасти объясняет его повышенное внимание к стигматизирующим ситуациям, лицам и группам с навязанной обществом негативной идентичностью — психически больным, заключенным,

- 2 *Erving Goffman. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates* (New York: Doubleday Anchor, 1961).
- 3 *Erving Goffman. Where the Action is // Erving Goffman. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior* (New York: Doubleday Anchor, 1967). P. 149–170. См.: *Dmitri Shalin. Erving Goffman, Fateful Action, and the Las Vegas Gambling Scene // UNLV Gaming Research & Review Journal*. 2016. Vol. 20. № 2. P. 1–38.
- 4 *Leonard Syme. Memoir of a Useless Boy* (Berkeley: University of California Press, 2011). P. 47–48. Много лет спустя Эрвин рассказывал о его детской стигме: «Я рос с идишем в городишке, где говорить на чужом языке значило быть заподозренным в гомосексуализме» (*Dell Hymes. On Erving Goffman // Gary Alan Fine, Gregory W. H. Smith [eds.]. Erving Goffman*. Vol. 1 [London: SAGE, 2000]. P. 56).

религиозным меньшинствам, лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией⁵. Опыт Второй мировой волны и Холокоста усилило его отвращение к институтам насилия⁶.

В США в это время набирало силу движение против принудительного содержания больных в психиатрических лечебницах. Работы Гоффмана цитируются чаще других сторонниками этого движения, хотя официально он его не поддержал⁷. Интерес Гоффмана к психиатрии — а значительная часть книги связана со включенным наблюдением в психиатрической больнице — имел для автора и сугубо личный смысл. Его жена, Анжелика Гоффман-Чоут, страдала маниакально-депрессивным расстройством и долгое время находилась под наблюдением врачей. Гоффман скептически относился к диагнозу его супруги и тогдаш-

5 *Erving Goffman*. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963). Понятие «стигма» в лексиконе Гоффмана не ограничивается санкционированной дискриминацией. Вот как он описывает самоощущение американцев с нежелательными характеристиками: «По существу в Америке есть только один тип полноценного мужчины, которому нечего стыдиться: молодой, женатый, белокожий, горожанин, житель северных штатов, гетеросексуал, отец, человек протестантской веры с университетским образованием, с полноценной работой, без изъянов кожи, хорошего роста и телосложения и со спортивными достижениями... Любой мужчина, у кого проблемы хотя бы в одной из этих категорий, видит себя, хотя бы изредка, как человека недостойного, неудавшегося, неполноценного» (Ibid. P. 128).

6 Об отношении Гоффмана к Холокосту см.: *Mary Jo Deegan*. Goffman on Gender, Sexism, and Feminism: A Summary of Notes on a Conversation with Erving Goffman and My Reflections Then and Now // *Symbolic Interaction*. 2014. Vol. 37. № 1. P. 75–76.

7 *Thomas Szasz*. The Myth of Mental Illness // *American Psychologist*. 1960. Vol. 15. № 2. P. 113–118; *Thomas J. Scheff*. Being Mentally Ill: A Sociological Theory (Chicago: Aldine Press, 1966); *Ronald D. Laing*. The Politics of Experience and the Bird of Paradise (Harmondsworth: Penguin, 1967); *Peter K. Manning*. The Sociology of Mental Health and Illness (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1976); *Dmitri Shalin*. Goffman on Mental Illness: «Asylums» and «The Insanity of Place» Revisited // *Symbolic Interaction*. 2014. Vol. 37. № 1. P. 122–144.

ним методам лечения, настоящим на психоаналитических теориях Фрейда. Резко отрицательное отношение Эрвина к лечению его жены и действительно тяжелому положению пациентов, против воли заключенных в лечебницы, отразилось на его концепции психиатрических заболеваний как стигматизирующего конструкта, навязанного репрессивным обществом людям с нестандартным поведением.

Душевнобольные, согласно Гоффману, «страдают не от психических болезней, а от обстоятельств»⁸. Индивид, которому всучили «испорченную идентичность» (*spoiled identity*), может быть жертвой семейных неурядиц или просто недоброжелателей. Возможно, им надоели странности родственника, не хочется ухаживать за больным или понадобилась дополнительная жилплощадь. И если в рассказах очевидцев эксперты разглядели признаки психического расстройства, то человеку с симптомами предстоит стать пациентом и жить со стигмой душевнобольного. В действительности, «безумие или „нездоровое поведение“, которое приписывают психически больному пациенту, во многом является продуктом социальной дистанции, отделяющей высказывающего подобные суждения человека от ситуации пациента»⁹. «Я не знаю случаев психопатии, — убежден автор, — где схожие симптомы не обнаруживались бы среди нормальных людей, которых никому в голову не придет обвинять в психических отклонениях»¹⁰.

«Тотальные институты» включают в себя несколько очерков об организациях, изолирующих своих подопечных. Задача этих институтов — систематически трансформировать представление человека о себе, а в итоге и его поведение, в соответствии с требованиями данного учреждения. Первая глава, «О характеристиках тотальных

8 Наст. изд. С. XXX.

9 Там же. С. XXX.

10 *Goffman. Interaction Ritual. P. 147.*

институтов», рисует обширную панораму учреждений такого рода. Инфантилизация, обезличивание, жесткая регламентация, разрыв связей с внешним миром, подачки за доносительство и сотрудничество с начальством — это фазы направленного процесса умерщвления личности и подавления свободы в тотальных институтах. В данной главе Гоффман использует широкий круг источников, включая исторические и социологические исследования, документы концлагерной жизни, монастырские уставы, мемуары узников и личные наблюдения. Акцент делается на том, что сближает учреждения такого рода; различия при этом не отрицаются, но остаются за кадром. По сути, Гоффман использует здесь методологию «идеального типа». Разработанная Максом Вебером, эта методология ориентирует на создание концептуальной схемы (модели, типажа, эталона, шаржированного образа), чтобы затем систематически сравнивать реальные исторические образования с данным теоретическим конструктом. Наличие сходства не означает, что предмет исследования в реальности обладает всеми атрибутами данного идеального типа. Это в каком-то смысле карикатура (*straw man*), не претендующая на всесторонность, но если карикатура хорошо сделана, то она высвечивает существенные стороны оригинала.

Второй раздел книги, озаглавленный «Моральная карьера психически больного пациента», сфокусирован на «регулярной последовательности изменений, которые карьера вызывает в Я человека и в его системе образов, исходя из которой он судит о себе и о других»¹¹. Здесь автор дает читателю понять и почувствовать многострадальный путь человека, оказавшегося в закрытом учреждении не по своей воле. Человек этот не готов к унижениям, у него теплится надежда на избавление, он пытается протестовать и сопротивляться, но чем более открыто он негодует, тем хуже его положение. Постоянные издевательства и изощ-

11 Наст. изд. С. 158.

ренная система наказаний постепенно убеждают узника в том, что спасение лежит не в сопротивлении, а в соблюдении распорядка и сотрудничестве с начальством. Отречение от привычного Я и принятие системной идентичности знаменует прогресс в моральной карьере пациента. Конформное поведение может вызволить человека из тотального института, но стигма, присущая душевнобольным, сопровождает их и за пределами приюта.

Третья часть книги озаглавлена «Подпольная жизнь государственного института: исследование способов выживания в психиатрической больнице». Гоффман смещает фокус своего анализа с официальных правил в закрытых организациях к неформальным отношениям, недоступным взору постороннего. Правила в бюрократических организациях такого рода допускают исключения, а исключения выстраиваются в систему неформальных правил, позволяющих жителям узилищ сохранить частичку собственного достоинства, создать элементы уюта в чреве бедлама. Под маской повиновения скрывается презрение, подобострастие переходит в иронию, доскональное знание распорядка учреждения и блатных каналов коммуникаций позволяет обмениваться ресурсами с сокамерниками и получать поблажки от надзирателей. Пациенты и начальство могут сотрудничать в работе по поддержанию официального образа учреждения и его обитателей в случае неожиданной инспекции или при очередном наплыве посетителей. Человек с российскими корнями, Гоффман хорошо знаком с тропом потемкинских деревень: «Кроме того, небольшая группа ручных постояльцев может на протяжении многих лет водить посетителей по потемкинским деревьям института»¹².

В последнем разделе книги Гоффман рассуждает о сфере услуг и связанных с ней профессиях (*tinkering trades*), к коим он относит психиатрию. Отличие последней в том, что обслуживающий персонал имеет дело с телом

12 Там же. С. 133.

клиента, а «тело — это такое имущество, которое клиент не может оставить на попечение оказателю услуги, а сам пойти заняться другими делами»¹³, как можно оставить сломавшуюся машину или радиоприемник. Получатель услуг здесь имеет дело с экспертом, при этом часто не по своей воле (в отличии от массажиста или парикмахера) и при содействии обличенных властью структур (полиции и юристов). Признание авторитета сотрудников больницы и энтузиазм по поводу лечебных процедур указывает на то, что клиент выучил свою роль, что он выздоравливает. Нежелание воспользоваться услугами специалиста, эмоциональная отчужденность, манкирование плановыми мероприятиями дает противоположный результат.

В заключении Гоффман предостерегает читателя от поспешных выводов из его критического анализа психиатрических больниц и аналогичных учреждений:

...указывая на ограничения сервисной модели, я не имею в виду, что могу предложить более хороший способ обращения с людьми, которых называют психически больными. Психиатрические больницы существуют в нашем обществе не потому, что инспекторам, психиатрам и санитарам нужна работа; психиатрические больницы открываются потому, что для них есть рынок. Если распустить и закрыть сегодня все психиатрические больницы в отдельно взятом регионе, то завтра родственники пациентов, полиция и судьи потребуют открытия новых, и этим подлинным клиентам психиатрических больниц будет нужен институт, способный удовлетворить их потребности¹⁴.

В атмосфере набирающей силы компании за права человека шестидесятых годов прошлого века либеральная общественность Америки восприняла «Тотальные институты» как социологическую публицистику высокого класса. Многие психиатры приветствовали книгу (к удивлению и раздражению Гоффмана). Но были и критики,

13 Там же. С. 383.

14 Там же. С. 430.

посчитавшие радикально социологическую концепцию автора тенденциозной.

За несколько лет до выхода книги Гоффман докладывал о предварительных результатах своего исследования на конференции по проблемам групповой динамики. На его сессии присутствовали известные ученые и психиатры, несогласные с будущим автором «Тотальных институтов» и его гротескным взглядом на психиатрические больницы как инструмент насилия над личностью. Человек с психическими расстройствами страдает и нуждается в помощи, настаивала антрополог Маргарет Мид, «он сконфужен тем, что в нужный момент у него нет денег, что он появился на публике без подобающей одежды, что [он заблудился] и его привели домой соседи»¹⁵. Другой участник обсуждения возражал Гоффману, что нередко в больнице человек с психическим расстройством «впервые в жизни вступает в человеческие отношения после того, как его семья и общество отвернулись от него»¹⁶.

Такого рода критика звучала и после публикации «Тотальных институтов», особенно в связи с уподоблением психбольниц концлагерям.

По неизвестным причинам какие-то люди изолируются в домах с вывеской «психиатрическая больница». Официально эти учреждения существуют для лечения психиатрических заболеваний, но их действительная функция — усмирять, унижать и издеваться над заключенными в целях усиления контроля над ними... Гоффман рисует картину пострашнее концентрационного лагеря, картину тотального института, в котором заключенные живут в вечном страхе без всякого на то основания¹⁷.

Критики слева усмотрели в книге Гоффмана политический оппортунизм и «приспособление к властным структу-

15 *Erving Goffman. Interpersonal Persuasion // Bertram Schaffner (ed.). Group Processes: Transactions of the Third Conference (New York: Josiah Macy Jr. Foundation, 1957). P. 151.*

16 *Ibid.* P. 154.

17 *Miriam Siegler, Humphry Osmond. Goffman's Model of Mental Illness // British Journal of Psychiatry. 1971. Vol. 119. P. 167, 169.*

рам»¹⁸. Это мнение Алвина Гоулднера поддержал Питер Седжвик:

Политическая установка Гоффман ясна. Правящие классы и их управленческие кадры должны оставаться у власти, [в то время как] радикальные пути к приобретению статуса и уважения — борьба за освобождение — Гоффмана не интересуют. Для культивации собственного Я нам остаются лишь темные закоулки и частные ниши, подробному исследованию и каталогизации которых Гоффман посвятил всю свою моральную карьеру¹⁹.

Практика включенного наблюдения Гоффмана также может вызвать нарекания. Не ясно, как он делал записи наблюдений и использовал свои полевые заметки (в своем завещании Гоффман указал, что после смерти все его архивы должны остаться под замком). Некоторые из его публикаций заставляют усомниться в точности воспроизведения его наблюдений, а там, где остросюжетные события подтверждаются или выглядят правдоподобными, встает вопрос об их этической подоплеке. В работе «Поведение в публичных местах» приводится такой эпизод: «Я так же был свидетелем ситуации, когда пациенты пассивно наблюдали с расстояния в несколько футов, как молодой мужчина-психотик насилует пожилого беззащитного немого мужчину в той части комнаты отдыха, которая временно оказалась вне поля зрения санитаря. Поведение зрителей свидетельствовало о том, что, по их мнению, недобрительные взгляды безопасны, а любое вмешательство поместит их в менее комфортабельную ситуационную социальную реальность»²⁰. Если Гоффман действительно

18 *Alvin Gouldner. The Coming Crisis of Western Sociology* (New York: Basic Books, 1970). P. 379.

19 *Peter Sedgwick. Psycho-Medical Dualism: The Case of Erving Goffman* // *Gary Alan Fine, Gregory W. H. Smith* (eds.). *Erving Goffman. Vol. 3* (London: SAGE, 2000). P. 203.

20 *Эрвин Гоффман. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ* / Пер. с англ. А. М. Корбута под ред. М. М. Соколова (Москва: Элементарные формы, 2017). С. 304.

был очевидцем этого эпизода, то его позиция стороннего наблюдателя этически несостоятельна²¹. Проблематично также его решение зашифровать в статье «Безумие места» интимные события его семейной жизни.

Гоффман редко отвечал своим критикам. Можно только догадываться о его отношении к критическими замечаниям по поводу конструктивистского подхода к психиатрическим заболеваниям. Тем не менее его взгляды на психиатрию претерпели заметные изменения. Это случилось после того, как его жена покончила с собой в 1964 году²². Через несколько лет после трагической смерти Анжелики Гоффман публикует крипто-биографическую статью «Безумие места», где существенно корректирует свою позицию. Теперь он описывает психическое заболевание с точки зрения родственников, для которых жизнь с душевнобольным стала невыносимой²³. Если в «Тотальных институтах» слова «психопат», «психически больной», «душевное расстройство» часто заключены в иронические кавычки, то в новой статье они фигурируют без всякого отстранения как симптом серьезного заболевания, способного превратить семейную жизнь в подобие ада. Дом сумасшедшего похож на сумасшедший дом (отсюда название статьи), где в любую минуту душевнобольной

21 Любопытно, что дочь Гоффмана, социолог Алиса Гоффман, столкнулась со схожими обвинениями. Она провела полевое исследование молодых афроамериканцев, находящихся в бегах от правосудия, и написала книгу, вызвавшую острую полемику по поводу этики ее взаимоотношений с криминальными подростками. См.: *Alice Goffman. On the Run: Fugitive Life in American City* (Chicago: University of Chicago Press, 2014). Мои замечания по поводу исследования Алисы Гоффман можно найти на сайте Cogita.ru в статье «Натурные эксперименты и пристрастное знание» (<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/naturnye-eksperimenty-i-pristrastnoe-znanie>).

22 См.: *Shalin. Goffman on Mental Illness*.

23 *Erving Goffman. The Insanity of Place // Erving Goffman. Relations in Public: Microstudies of the Public Order* (New York: Basic Books, 1969). P. 335–390.

может нарушить нормальный ход событий, подвергнуть себя и окружающих опасности. Жизнь с «чокнутым» превращает дом в «больницу вне больницы», а родственников — в дежурных по палате, обязанных при первой необходимости принять чрезвычайные меры²⁴. Если раньше Гоффман писал о сговоре врачей с родственниками за спиной больного и «воронке предательства», засасывающей стигматизированного индивида, то теперь он озабочен конфиденциальными взаимоотношениями врача и пациента, скрытыми от близких под покровом врачебной тайны. Впервые Гоффман признает, что этиология психических заболеваний может быть связана с биологическим причинами и наследоваться генетически. Тем не менее, он продолжает настаивать на перформативной природе симптоматики и социальной функции врачебного диагноза: «Какова бы не была природа психиатрического заболевания — и тут следует признать, что оно может быть связано с органическими причинами — социальная значимость болезни остается неизменной: ее носитель делает жизнь окружающих непереносимой»²⁵.

При всех недостатках, опубликованное более полувека назад исследование Гоффмана остается классикой жанра. Значение книги «Тотальные институты» можно подытожить следующим образом.

Институты заключения сопровождали человечество на протяжении всей его истории, и есть основания думать, что они останутся с нами, пока существует организованное общество. Необходимость наказывать правонарушителей, изолировать психически больных, приучать к новому порядку новобранцев, семинаристов и учеников интерната порождает организации, перед которыми стоит задача переформатировать своих подопечных. Последние могут быть подневольными или вольноопределяющимися, но во всех учреждениях такого рода личность

24 Ibid. P. 337–338.

25 Ibid. P. 389.

и организация должны притереться друг к другу. Заслуга Гоффмана как социолога состоит прежде всего в том, что он показал, как происходит эта притирка, как человек системы приобретает идентичность, позволяющую выжить в новых организационных условиях и, что не менее важно, как формальная структура преобразуется в реальных условиях, вынашивая в себе неформальную систему отношений между ее питомцами. Идентичность и организация предполагают друг друга; это две стороны одного процесса, понять который можно только в контексте взаимоотношений личности и социальных институтов. Когда организация пытается вытравить из нашего самосознания нежелательные образы Я, когда она действует как «тотальный институт», человек системы находит незапрограммированные уставом пути самовыражения. Подпольная жизнь не замирает ни в Аушвице, ни на Колыме, ни в Больнице Склифосовского, хотя стигма заключения оставляет неизгладимый след на личности, провернутой через эту мясорубку.

При всех недостатках, концепция психиатрического заболевания как социально-исторического конструкта сохраняет свою ценность. Скептицизм Гоффмана по поводу психоаналитических методов, применяемых к широкому кругу недугов (от шизофрении и психоза до клинической депрессии), имел под собой основания. В конце 1950-х и начале 1960-х годов, когда его жена лечилась от маниакально-депрессивного заболевания, перспективные лекарства группы бензодиазепинов только начинали проходить проверку. Со временем новые лекарственные средства позволяют контролировать симптомы, доселе неподвластные фармацевтике и психотерапии. Условия содержания в психиатрических больницах и изоляторах претерпели значительные изменения после принятия в США законодательных актов, нацеленных на помощь людям с ограниченными физическими возможностями и особыми психологическими потребностями. В этом есть заслуга Гоффмана и его коллег. Постоянно расширяющийся круг

исследований природы и последствий стигмы также напрямую связан с работами Гоффмана. Роль социогенных факторов в этиологии душевных заболеваний²⁶ требует дополнительного изучения, и здесь идеи Гоффмана остаются важным ресурсом.

В заключении, я хочу отметить еще одну особенность работ Эрвина Гоффмана по проблемам тотальных институтов и психиатрии — их автобиографический характер. Значительную часть своей профессиональной деятельности Гоффман посвятил исследованию закулисной жизни общества, зазору между маской и лицом. Его особенно интересовали стратегии сохранения человеческого достоинства в репрессивных организациях и унижительных обстоятельствах. Парадоксально, но Гоффман — человек, тщательно оберегавший свою частную жизнь от постороннего взгляда, — сознательно повергал в смущение окружающих своими стигматизирующими действиями. Статья «Безумство места» базируется на истории болезни его жены и может быть прочтена как попытка оправдаться, рассказать о его сложных семейных взаимоотношениях²⁷. Но рассказ этот односторонен, он игнорирует точку зрения Анжелики, выпускника Чикагского университета, где она с блеском защитила магистерскую диссертацию о символах статуса в высшем бостонском обществе, предвосхи-

26 В своем сравнительном анализе заболевания Константина Батюшкова и Фридриха Гёльдерлина Михаил Эпштейн обратил внимание на социально-историческую природу помешательства человека. То, на чем помешался человек, «what he is mad about», согласно Эпштейну, отражает общественные настроения и пристрастия его среды и века. См.: *Mikhail Epstein. Method of Madness and Madness of Method // Angela Brintlinger, Ilya Vinitzky (eds.). Madness and the Mad in Russian Culture (Toronto: University of Toronto Press, 2006). P. 263–282. См. обзор этой книги: Dmitri Shalin. Book Review: Madness and the Mad in Russian Culture // Russian Journal of Communication. 2008. Vol. 1. № 1. P. 99–102.*

27 *Shalin. Goffman on Mental Illness.*

щающую классическое исследование ее мужа²⁸. Желание Анжелики закончить работу над докторской диссертацией не нашло поддержки у ее мужа (накануне самоубийства она была готова оставить работу, чтобы вплотную заняться диссертацией).

Свидетельства современников указывают на эмоциональную отчужденность Гоффмана, на его готовность поставить человека в неловкое положение, а иногда и на заведомо стигматизирующее поведение²⁹. Своему молодому коллеге, только что узнавшему, что департамент проголосовал против предоставления ему пожизненной работы (*tenure*), Гоффман бросает реплику: «Не всякий достоин преподавать в нашем учреждении»³⁰. В классе, где присутствует студент с явно выраженным физическим дефектом, он использует унижительную для людей с ограниченными возможностями кличку³¹, или публично отказывается пожать руку, предложенную ему восхищенным студентом³², или на весь салон громко комментирует симптомы аспиранта, которого до тошноты укачало в самолете³³. Человек, интимно знакомый со стигмой и всю жизнь изучавший ее последствия, Гоффман не чурался действий, вызывающих чувство стыда у окружающих. Комментато-

28 *Angelica Schuyler Goffman-Choate*. The Personality Trends of Upper-class Women (MA thesis defended in December of 1950 at the University of Chicago) // http://cdclv.unlv.edu/ega/documents/sky_ma.pdf.

29 См.: *Shalin*. *Interfacing Biography, Theory, and History*.

30 *John Lofland*. Erving Goffman's Sociological Legacies // *Gary Alan Fine, Gregory W. H. Smith* (eds.). *Erving Goffman*. Vol. 1 (London: SAGE, 2000). P. 167.

31 *Gary Marx*. Role Models and Role Distance. A Remembrance of Erving Goffman // *Gary Alan Fine, Gregory W. H. Smith* (eds.). *Erving Goffman*. Vol. 1 (London: SAGE, 2000). P. 60–70.

32 *Roy Turner*. «What Struck Me First about Goffman was That He Had an Amazing Elegance in His Delivery» // *Erving Goffman Archives*. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1070&context=goffman_archives.

33 *Thomas J. Scheff*. *Goffman Unbound: A New Paradigm for Social Science* (Boulder: Paradigm, 2006).

ры расходятся во мнениях, делал ли он это в исследовательских, педагогических или иных целях. Так или иначе, этот биографический казус заслуживает изучения.

Продолжают всплывать исторические документы о родословной и российских корнях Эрвина Гоффмана — самого цитируемого американского социолога. Расширяется круг биографических материалов и воспоминаний его родственников, студентов и друзей. Собранные в Архиве Эрвина Гоффмана³⁴, эти материалы позволяют утверждать, что весь его исследовательский корпус криптобиографичен. Программа исследований по биокритической герменевтике, основанная, в частности, на архивах Гоффмана, обещает по-новому осветить биографические источники социологического воображения³⁵.

- 34 *Dmitri Shalin* (ed.). *Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives* (2008–2018). CDC Publications (<http://cdclv.unlv.edu/ega/index.html>).
- 35 *Dmitri Shalin* (ed.). *Symbolic Interaction*. 2014. Vol. 37. № 1. Special Issue: Erving Goffman: Biographical, Historical, and Contemporary Perspectives; *Dmitri Shalin* (ed.). UNLV Gaming Research & Review Journal. 2016. Vol. 20. № 1. Special Issue: Goffman in Las Vegas: Gambling, Fatefulness, and Risk Society; *Dmitri Shalin*. Hermeneutics and Prejudice: Heidegger and Gadamer in Their Historical Setting // *Russian Journal of Communication*. 2010. Vol. 3. № 1/2. P. 7–24; *Dmitri Shalin*. Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics // *Sociological Theory*. 2007. Vol. 25. № 3. P. 193–224; *Дмитрий Шалин*. Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю. А. Леваде // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 4. С. 70–104; *Dmitri Shalin*. Biocritical Reflections about the Dual Biography of Mikhail Epstein and Sergei Iouriéne (2012, 2017) // http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/ds_on_dual-bio.pdf; *Дмитрий Шалин*. Тезисы к концепции биокритической герменевтики (2012) // http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_bh_theses.html.